
ЭКОНОМИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 330 + 338.1/338.2(051)=161.1=021_(477)

А. Е. ГОРОДЕЦКИЙ,
профессор, доктор экономических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заместитель директора Института экономики РАН
(Москва)

АНТИКРИЗИСНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И МОДЕЛИ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Исследованы особенности мирового экономического кризиса 2008–2010 гг. в России, рассмотрены его экономическая природа, долгосрочные социально-экономические последствия и эффективность применявшихся антикризисных программ. Сделаны выводы о переходном характере современной экономической эпохи и неизбежности смены модели развития – как глобальной, так и сложившейся за истекшие годы в России. Раскрыты проблемы повышения производительности труда с точки зрения перехода к новой, несырьевой, модели экономического роста. Изложены основные принципы новой национальной экономической политики, отвечающей потребностям модернизации и инновационного развития.

Ключевые слова: турбулентный мир, экономические эпохи, кризис, антикризисные программы, модели развития, государственная экономическая политика, производительность труда, экономический рост, институциональные факторы, посткризисные модели, модернизация, стратегические ориентиры, ценностно-мотивационные предпосылки, управление будущим.

A. E. GORODEZKY,
Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Honored Sci. Worker of the Russian Federation,
Deputy Director of Institute of Economics of the RAN
(Moscow)

CRISIS MANAGEMENT AND THE POST-CRISIS DEVELOPMENT MODEL FOR RUSSIA

Specific features of the world economic crisis in 2008–2010 in the Russian Federation are studied. Its economic nature, long-term socio-economic consequence, and efficiency of the realized anticrisis programs are considered. The conclusion is drawn about the transient character of the modern economic epoch and the inevitability of a change of the global development model and that formed in Russia for the recent years. The problems related to an increase in the labor productivity from the viewpoint of the transition to a new nonprimary model of economic growth are clarified. The basic principles of a new national economic policy corresponding to the needs of modernization and innovative development are presented.

Keywords: turbulent world, economic era, crisis, anticrisis programs, development models, national economic policy, labor productivity, economic growth, institutional factors, post-crisis models, modernization, strategic guidelines, value-motivational prerequisites, management of the future.

I. О некоторых глобальных трендах развития в первом десятилетии 2000-х годов и в посткризисный период

В разработках Института экономики РАН, в последних работах его директора, члена-корреспондента РАН Р.С. Гринберга часто говорится о месте России в

нынешнем *“турбулентном мире”*. Но что это за турбулентный мир? Что он несет России? Что Россия готова предъявить ему?

Турбулентность — это, прежде всего, образ, но это и реальная, содержательная характеристика состояния современной мировой экономики, политики, глобального сообщества. Попытаемся кратко очертить границы этого понятия.

Образ бурного, вихревого развития возникает в силу следующих причин.

Судя по всему, мы становимся свидетелями начала новой глобальной трансформации, означающей смену научной парадигмы развития, его цивилизационно-культурных оснований (появление новых региональных центров и типов развития), формирование нового геополитического и геоэкономического облика мира, вызревание нового технологического уклада и нового мирового экономического порядка.

Если гипотезы о глобальной мировой и внутренней российской трансформациях верны, то в основу долгосрочных стратегий нельзя закладывать пресловутые первую и вторую версии Стратегии-2020 * с их пониманием контекста и характера происходящих процессов. За разговорами о “реформах” мы уже третий раз топчемся на месте: мимо прошли структурные, технологические и информационные революции последней четверти XX в., мы оказались на обочине глобализации, а сейчас — за пределами вхождения в VI и подготовки условий для вызревания VII технологических укладов.

Несомненно, понятие турбулентности охватывает переживаемый в настоящее время глобальный кризис, успехи и неудачи применяемых антикризисных стратегий, предвидение и понимание контуров посткризисного мира, новой модели экономического и политического мироустройства. От того, что объективно происходит в реальности — успехи антикризисного регулирования и выход из кризиса или лишь притупление его остроты и временные улучшения конъюнктуры, — зависит очень многое. Мы либо будем самонадеянно полагать, что с кризисом можно успешно бороться имеющимися средствами и мир, в принципе, остался прежним (это весьма опасная самонадеянность, которая может придать кризису затяжной и непредсказуемый характер), либо, напротив, будем считать его свидетельством исчерпанности прежней модели развития и предвестником новых экономических отношений, моделей, институтов, соответствующих систем управления. И тогда, не отвергая текущих средств смягчения кризиса и стимулирования роста и занятости, необходимо думать и искать принципиальные решения, открывающие путь новой стадии и модели развития.

Исследование фундаментальных закономерностей цикличности развития делает узнаваемой картину смены экономических и технологических эпох. В этой связи весьма продуктивной представляется идея о сопряжении длинных кондратьевских и модернизационных циклов, о симптоматичности так называемой финансовой экономики и “финансовых пузырей” на стыке экономичес-

* Первоначально идеи долгосрочной стратегии социально-экономического развития РФ до 2020 г., связанной со стратегическими целями модернизации российской экономики, были выдвинуты обществу в период первого президентства В.В. Путина. Первый вариант концепции долгосрочного развития России до 2020 г. (далее — КДР-2020) в 2006–2007 гг. разрабатывали в соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина Минэкономразвития России и другие ведомства. Целью было заявлено “определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008–2020 годы) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе” [1]. Вторую версию Стратегии-2020 по поручению российского правительства разрабатывали в течение 2011 г. более 1000 экспертов во главе с Национальным исследовательским университетом “Высшая школа экономики” и Российской академией народного хозяйства и госслужбы. Стратегия-2020 — это второй вариант КДР-2020.

ких эпох, когда капиталы, не находя достаточно прибыльных сфер приложения в рамках исчерпавших свои возможности технологических укладов, устремляются на финансовые рынки, в сферу финансовых спекуляций [2]. Эти научные положения дают еще один сильный аргумент в пользу того, что за современным финансовым кризисом стоят фундаментальные проблемы, которые не решить на основе тех привычных монетарных инструментов, с помощью которых удалось сбить первую волну кризиса. И это очень важно понять всем, именно в России понять, где находятся пределы того, что лечится “старыми дедовскими методами”, а что требует принципиально новых подходов, да и принципиально иных идей и людей.

В чем состоят “плюсы” и “минусы” опыта России по преодолению кризиса и выходу на траекторию посткризисного развития?

Россия неплохо подготовилась к кризису – имеется в виду создание колоссальных по объему золотовалютных резервов и финансовых резервных фондов. Но их неэффективное использование, а точнее – неиспользование на нужды активного инвестирования в предкризисный период для создания устойчивых к кризису национальных финансовых институтов, промышленных отраслей и отраслей инфраструктуры (по примеру стран БРИКС, почти не пострадавших от кризиса), привело к тому, что выход из него стоил России столько, сколько не могла бы позволить себе любая другая страна, не располагающая такими запасами финансовых резервов, связанных с сырьевым экспортом.

Кроме того, неверно были поняты причины и характер мирового финансового кризиса. Как и в 1997–1998 гг., неолиберальное экспертное сообщество и специалисты до последнего придерживались позиции, согласно которой нужна лишь некоторая корректировка рынка и этого можно достичь в рамках рыночного саморегулирования. Но, как и в прошлом, прогноз оказался ошибочен, хотя ситуация в условиях 10-летнего экономического роста (пусть и благодаря “экономике трубы”) в корне отличалась от системного кризиса российской экономики и краха государственной экономической политики в конце 1990-х годов.

Неправильно была оценена и степень восприимчивости России к мировому финансовому кризису ввиду ее зависимости от международных финансов и финансовых рынков. Кризис уже пришел в Россию, а тогдашний министр финансов А.Л. Кудрин уверял страну, что он нас не коснется. Не был принят во внимание и спекулятивный характер российской экономики, особенно – фондовых рынков, который значительно усилил уязвимость отечественной экономики. При первых симптомах кризиса спекулятивные капиталы в одночасье покинули страну.

Первые транши финансовой помощи были направлены банкам, в результате чего финансовый сектор свои проблемы “порешал”, в том числе и за счет усиленного оттока средств на валютные рынки и дальше за рубеж *. До реального сектора эти средства практически не дошли. Необходимо подчеркнуть, что все без исключения новые “эффективные собственники” и “эффективные менеджеры” из числа “новых русских олигархов” немедленно обратились за помощью к государ-

* По данным Центробанка России, чистый отток частного капитала из страны в 2008 г. составил рекордную сумму в 133,7 млрд. дол. При этом банковский сектор за год вывел за рубеж 56,9 млрд. дол. (43%). На другие секторы экономики пришлось 78,5 млрд. дол. В 2009 г. эти цифры снизились: отток капитала из частного сектора составил 56,1 млрд. дол., банковского – 30,4 млрд. дол., но при этом доля банков возросла до 54%. Начиная с 2011 г. тенденции оттока капитала вновь усилились: вывоз составил 80,5 млрд. дол., в том числе банками – 24,2 млрд. дол.; в 2012 г., по прогнозам Центробанка, чистый отток по частному сектору должен был составить 67 млрд. дол., и, по подсчетам экспертов, общая сумма могла достичь 90 млрд. и даже 100 млрд. дол. Окончательная официальная оценка – 113,6 млрд. дол.[3; 4; 5].

ству и даже не попытались разработать какие-либо собственные эффективные корпоративные антикризисные программы.

По экспертным оценкам, кризис в целом стоил стране не менее 16 трлн. руб. в рамках 4-этапной государственной программы антикризисного регулирования. Поэтому и сегодня один из самых актуальных вопросов заключается в следующем: сделаны ли правильные выводы о природе кризиса, его причинах, устойчивости достигнутых антикризисных результатов и вероятности возобновления кризисных проявлений?

Нам представляется, что мир стоит на пороге фундаментальных перемен и самым наглядным свидетельством этого является турбулентность, приходящая на смену спокойному, эволюционному и стабильному развитию. Мир фундаментальных перемен будет отторгать наши привычные теоретические взгляды, наш устоявшийся практический опыт, и к этому надо готовиться. Неслучайно сегодня, когда уже розданы награды и поделены гонорары за разработку скорректированной Стратегии-2020, все разговоры и споры о ней практически утихли. Можно предположить, что политикой, властью, обществом очень скоро будут востребованы новые концепции и стратегии развития, которые должны определять вектор и генеральные тренды развития страны на долгосрочную перспективу уже на более отдаленных временных горизонтах.

II. О дилеммах государственной экономической политики

Почему мы говорим о дилеммах российской экономической политики? Следует согласиться с тем, что по сравнению с 1990-ми годами удалось достичь определенной стабильности во власти, экономике, обществе. Даже на мировой арене ситуация для России в целом улучшилась: она вернула себе международную субъектность, вновь заставила считаться с собой в важнейших вопросах современности. Но есть и обратная сторона этой стабильности, а именно — реальная угроза ее превращения в политический, экономический и социальный застой. Политика власти в истекшее десятилетие была глубоко противоречива. С одной стороны, потребности восстановления и развития, усиление глобальной конкуренции вынуждали идти вразрез с идеологическими догмами и имитационными моделями модернизации, включать проверенные механизмы государственного регулирования, восстанавливать государственные институты в экономике, руководствоваться национальными интересами во внутренней и внешней политике государства. С другой — официальной доктриной власти остается неоллиберализм в том виде, в каком он был оформлен концепцией “Вашингтонского консенсуса” и реализован в российской практике реформ начиная с 1990-х годов. Это проявляется и в финансовой политике, и в приватизационных планах правительства, и в подходах к реформам социально-экономической инфраструктуры. Несмотря на несогласие профессиональных сообществ педагогов, врачей, ученых, деятелей культуры, власть продолжает “продавливать” непопулярные и неэффективные модели институциональных реформ.

Противоречия в государственной экономической политике отражают реальные конфликты интересов во власти, в элитах. Так, конфликты в вопросах приватизации нефтегазового бизнеса и его лобби, с одной стороны, и радикально-либерального крыла в правительстве — с другой, нельзя расценивать как конфликты между идейными государственниками и убежденными либералами.

На **одном полюсе** выступает мощное крыло государственной бюрократии, выросшее на сращивании власти и собственности, приватизации властных и административных государственных функций и по определению искажающее суть и формы государственного участия в экономике. Самый яркий пример —

госкорпорации с их неопределенным имущественным статусом, неподконтрольностью государству и практически неограниченными рыночными возможностями конкурировать с частным бизнесом. Парадоксы известного конфликта между одной из крупнейших российских компаний “ТНК-ВР”, английской корпорацией “British Petroleum” и “Роснефтью”, разгоревшегося вокруг будущей разработки российских арктических богатств, ярко иллюстрируют эту ситуацию*.

Хороша ли практическая реэтактизация нефтяной отрасли в результате поэтапного объединения с ЮКОСом, а затем с “Роснефтью” (поглотившей активы первого) и “ВР”? В самом возврате государства в эту стратегическую отрасль нет ничего трагического. Примеров успешной деятельности государственных компаний в нефте- и газодобыче, электроэнергетике достаточно. Но соединение политического и административного ресурса государственной бюрократии с беспрецедентным частным рыночным монополизмом в лице одной компании чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

На другом полюсе – сохраняющее влияние и власть радикально-либеральное крыло политических элит, которые, несмотря на все уроки прошедшего 20-летия и происходящие в мире изменения, продолжают упорно следовать представлениям и практике, сложившимся еще в эпоху неоконсервативных революций в Европе и США и исчерпавших свой творческий и управленческий потенциал к началу глобального кризиса.

Объективные процессы, происходящие в мировой и национальной экономике, их научное осмысление свидетельствуют о том, что необходим стратегический поворот в государственной экономической политике. Мы связываем его с тремя вызовами и тремя императивами государственной экономической политики.

Вызовы развития не оставляют нам иной альтернативы, кроме вхождения в группу лидеров современного экономического и технологического прогресса. В противном случае нам придется смириться с необратимостью отставания, окончательного перехода в категорию стран “второго эшелона” с ограниченным экономическим и, в конечном счете, государственным суверенитетом. **Гуманитарные вызовы** ставят нас перед альтернативой либо обеспечения широкой социально-экономической справедливости, системы человеческих, социальных и гражданских прав и свобод, либо закрепления экономической и социальной поляризации в обществе, характерной для слаборазвитых и развивающихся стран. В последнем случае в мировых рейтингах и табелях о рангах страна будет отброшена далеко назад, на периферию современного глобального сообщества. И наконец, **вызовы нового миропорядка**, при котором формирование новых смыслов, ценностей, экономических отношений, норм и правил ведет к созданию новых институтов регулирования и координации как в сфере международной (международные, наднациональные институты), так и внутренней (национальные институты) политики. Для России эти вызовы также сопряжены со **структурными, социальными и институциональными императивами**, которые подробно обоснованы в научных трудах сотрудников Института экономики РАН [7; 8; 9; 10; 11].

* Покупка “Роснефтью” компании “ТНК-ВР” стала крупнейшей сделкой 2012 г. на мировом рынке слияний и поглощений (M&A), сумма которой составила 59,1 млрд. дол. Сначала была оформлена покупка 50% “ТНК-ВР” у “ВР”, а затем – 50% у консорциума “AAR”. Согласно исследованию Mergemarket, эти сделки заняли, соответственно, 4-е и 5-е места в мировом рейтинге. Предполагается, что новая “Роснефть” станет огромной мультинациональной компанией, первой в мире по добыче и запасам нефти. Фактически создается новый гигант наравне с “Газпромом”, но теперь в нефтяной промышленности [6].

III. О производительности труда как основе посткризисного инновационного роста

Низкий уровень производительности труда, глубокие диспропорции при ее дифференциации по отраслям и регионам, недостаточные темпы роста, не обеспечивающие вхождение России в число стран-лидеров по этому показателю (США и Канада, страны ЕС, новые индустриальные страны – дальневосточные и южноазиатские “драконы” и “тигры”), – сегодня общеизвестный факт. Этому есть свои объяснения.

Конечно, на долгосрочных тенденциях в этой области сказался системный кризис 1990-х годов, который имел своими последствиями широкомасштабную деиндустриализацию, приведшую к потере отраслей и предприятий, являвшихся в СССР лидерами по НТП и производительности труда, к искажению структуры экономики в еще большей степени, чем это было в советское время. Деградация реального сектора экономики, примитивизация ее структуры также повлекли за собой депрофессионализацию, деквалификацию и, в конечном счете, деклассирование рабочего класса, научно-технической интеллигенции, инженерного корпуса страны. Масштаб потерь оказался таким, что ни запущенные рыночные механизмы, ни возможности, появившиеся в годы восстановительного роста, не смогли компенсировать нанесенный ущерб. К тому же институциональные реформы уже 2000-х годов также внесли свою лепту в сохранение критической ситуации в сфере производительности труда.

Особенно отрицательно на ее условиях и факторах сказались реформы в образовании, науке и здравоохранении. Мы не смогли переломить последствия демографической катастрофы, резкого ухудшения показателей здоровья нации. Утрачена система профессиональной подготовки на уровне начального и среднего специального образования. По мнению большинства специалистов, экспертного сообщества, ухудшилось качество и высшего образования. Наука, поставленная на грань выживания, характеризуется старением научных кадров, массовым оттоком научной молодежи за границу, физическим и моральным износом приборной и производственно-технологической базы.

Экономика испытывает давление бюрократической и криминально-коррупционной перегрузки, широкомасштабной экономической, в том числе организованной, преступности. Вместе с тем институты обеспечения национальной, и прежде всего экономической, безопасности серьезно пострадали в ходе реформ правоохранительных органов. С момента упразднения Федеральной службы налоговой полиции и передислокации структур по борьбе с налоговыми и финансовыми преступлениями в МВД России соответствующие службы и подразделения умельчались, сокращались, ослаблялись в кадровом отношении. В ходе последней реформы МВД России 2010–2011 гг. была ликвидирована и главная “кузница кадров” в сфере экономической безопасности – Академия экономической безопасности МВД России, единственный вуз, готовивший специалистов экономического профиля по обеспечению экономической безопасности и противодействию экономической преступности.

Практически ежегодно Россия страдает от лесных пожаров, поэтому пожарная безопасность также оставляет желать лучшего. Пожарная угроза оборачивается колоссальными экономическими потерями, которые не могут не сказываться на общей картине динамики производительности труда. Подобное состояние пожарной безопасности, – и об этом почти не говорят вслух, – во многом стало следствием реформы пожарного дела, перемещения его из МВД, где оно дислоцировалось с момента образования министерства в XIX в., в суперминистерство – МЧС России. Реструктуризация службы резко ослабила пожарное дело, в осо-

бенности профилактическую работу в регионах и муниципалитетах. Поэтому героическая борьба ведомства с ежегодными лесными пожарами, резонансными происшествиями на важных экономических и социальных объектах не приводит к кардинальным улучшениям.

К институциональным факторам можно отнести и организацию статистики. Как подчеркивают специалисты в области статистических исследований, в России после перехода на рыночные отношения из официальных правительственных документов по вопросам промышленной политики было исключено понятие “производительность труда”, собственно, как и сама промышленная политика — из состава государственной экономической политики. Нет его и в практике управления большинством предприятий. Производительность труда исключена из статистики показателей предприятий, отраслей, регионов, всего народного хозяйства *. Обесценение значимости производительности труда — следствие глубочайшей ошибки экономической политики государства послереформенного периода.

Необходимо отметить и ряд макроэкономических факторов, негативно влияющих на уровень и динамику производительности труда. Справедливости ради надо сказать, что в 2000-е годы динамика производительности труда была положительной. Но, сравнив ее рост с ростом реальной заработной платы, мы обнаружили серьезное несоответствие (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение роста производительности труда и реальной заработной платы в 2003–2010 гг. *

(% к предыдущему году)

Показатели	Годы							
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Производительность труда.....	107,0	106,5	105,5	107,5	107,5	104,8	95,9	102,7
Реальная начисленная заработная плата.....	110,9	110,6	113	113	117	111	97	105

* Составлено автором по [13].

При этом заработная плата за указанный период выросла в 2,85 раза, а производительность труда, согласно экспертной оценке, — приблизительно на 70%.

Надо сказать, что при серьезном отставании по уровню производительности труда, как показывают международные сравнения, Россия по доле в структуре

* Иная ситуация за рубежом. В странах с развитой экономикой понимают важность рассматриваемой проблемы. Так, в США при ухудшении экономической ситуации в начале 1980-х годов повышение производительности труда было провозглашено президентом страны главной целью его экономической политики. А вот выдержка из “Правительственной промышленной стратегии Великобритании”, введенной в действие в 2002 г.: “Хотя на долю промышленности приходится около 20% ВВП, ее вклад в отставание Великобритании от зарубежных конкурентов в области производительности составляет от 30 до 40%. Существующее отставание можно расценивать как вызов. Вместе с тем оно открывает и определенные возможности. Если бы Великобритании удалось поднять производительность до уровня стран-лидеров (Франции, Германии, США. — *A.E.G.*), то, при прочих равных условиях, совокупная добавленная стоимость промышленности была бы на 70 млрд. фунтов стерлингов выше. Следовательно, правительство и промышленники обязаны тщательно изучить препятствия на пути увеличения производительности и способы их преодоления” [12]. Такой подход приносит результаты. За счет высокой производительности труда в Японии, Германии и США достигается основной объем экономического роста. И хотя в отдельные годы ее уровень снижался, она остается основой управления производством. Рост производительности труда (трудоемкость в час) в развитых странах формирует фундамент для развития экономики, пусть и достигается он с напряжением и заметными колебаниями.

использования ВВП домашних хозяйств и обслуживающих их некоммерческих организаций даже превосходит некоторые традиционно благополучные страны ЕС (табл. 2).

Таблица 2
Структура использования ВВП в России и некоторых странах ЕС *

(%)

Страны	Годы	ВВП (всего)	в том числе				
			расходы на конечное потребление	из них		валовое накопление	чистый экспорт товаров и услуг
				домашних хозяйств и обслуживающих их некоммерческих организаций	органов государственного управления		
Россия.....	2009	100	74,2	54,2	20,0	18,5	7,3
Австрия.....	2008	100	71,5	52,8	18,6	22,7	5,8
Бельгия.....	2008	100	75,1	52,0	23,2	24,0	0,9
Дания.....	2009	100	78,9	49,3	29,6	17,8	3,3
Ирландия....	2008	100	67,7	49,9	17,7	21,9	10,4
Нидерланды	2008	100	71,2	45,7	25,5	20,5	8,3
Норвегия.....	2007	100	61,3	41,6	19,7	23,1	15,7
Словения.....	2007	100	70,5	52,3	18,2	31,3	-1,8
Чешская Республика	2008	100	70,1	49,7	20,4	25,3	4,6
Швеция.....	2009	100	76,7	48,6	28,1	15,9	7,3

* Составлено автором по [14; 15].

Аналогичную картину наблюдаем по доле *оплаты труда наемных работников* в структуре ВВП: Россия – один из мировых лидеров наряду с такими странами, как Великобритания, Швейцария, Швеция и США (табл. 3).

Таблица 3
Структура ВВП по доходам *

(в текущих ценах; % к итогу)

Страны	Годы	ВВП (всего)	в том числе		
			оплата труда наемных работников **	валовая прибыль и валовой смешанный доход	налоги на производство и импорт минус субсидии
Россия.....	2009	100	51,8	31,8	16,4
Соединенное Королевство.....	2007	100	53,2	34,8	12,0
Швейцария.....	2007	100	60,5	36,2	3,3
Швеция.....	2008	100	54,6	28,8	16,6
Канада.....	2007	100	51,3	37,7	10,9
США.....	2007	100	56,1	37,0	7,0

* Составлено автором по [14; 15].

** Включая отчисления работодателей на социальное страхование.

Вместе с тем Россия относится к странам с одной из самых низких долей накопления среди стран ЕС, Северной Америки, не считая высокоразвитые страны Европы и США, новые индустриальные страны в Азии. И даже среди стран – членов БРИКС, партнеров по Таможенному союзу (ТС) у нее сравнительно низкая доля накопления в ВВП (табл. 4).

Таблица 4
Доля накопления в ВВП России,
стран – членов ТС и БРИКС *
(%)

Страны	Годы	ВВП (всего)	в том числе валовое накопление
Россия.....	2009	100	18,5
Беларусь.....	2009	100	38,5
Индия.....	2003	100	23,8
Казахстан.....	2008	100	27,1
Китай.....	2008	100	43,5
Южно-Африканская Республика.....	2007	100	21,4
Бразилия.....	2004	100	21,3

* Составлено автором по [14; 15].

Надо отметить, что, по расчетам Института экономики РАН, в России в структуре ВВП вообще устойчиво складывается отрицательное соотношение объемов сбережений, накоплений и инвестиций в основные фонды. Разрывы между ними существенно снижают вложения в новую технику и технологии, ограничивают возможности экономического роста и, соответственно, исправления ситуации с отставанием в сфере производительности труда.

Можно констатировать, что в России, с ее технологической и структурной отсталостью, достаточно высокой степенью социального неблагополучия, связанного с проблемами бедности, социальных контрастов, прогрессирующей коммерциализации социальной инфраструктуры, снижения доступности услуг образования, здравоохранения, качественного отдыха и досуга, сформировалась **потребительская модель развития**, какой-то искаженный, карикатурный вариант общества потребления, где культивируются мотивы высоких доходов и социального благополучия в отрыве от ценностей продуктивной, творческой и производительной работы, упал престиж высококвалифицированного производительного труда, рабочих, технических и инженерных профессий. Без преодоления этой *потребительской парадигмы* нечего и думать о каких-либо прорывах в области производительности труда.

Следовательно, сокращение такого отставания требует ряда системных мер в сфере экономической стратегии и государственной экономической политики. Частично они уже обоснованы в работах сотрудников Института экономики РАН, например – в докладе, подготовленном по заказу Института социально-экономических и политических исследований Общероссийского народного фронта, и связаны с концепцией структурного и социального поворотов в ходе “реформ третьего поколения” *, реализацией Стратегии-2020. В частности, предложены меры промышленной политики, которые следует использовать для преодоления сырьевой модели экономики и облагораживания ее структуры.

Сегодня на повестке дня стоит ряд системных институциональных мер.

* В России реформами второго поколения, в отличие от рыночных реформ 1990-х годов, полуофициально, в выступлениях политиков и высших чиновников назывались институциональные реформы 2000-х годов, включавшие реформирование вертикали государственной власти, укрепление федерализма и развитие местного самоуправления; реформы федеральной исполнительной власти, государственного управления и государственной службы; социально-экономической инфраструктуры (образования, науки, культуры, здравоохранения, ЖКХ). В связи с исчерпанием возможностей экспортно-сырьевой модели роста были сформулированы стратегические цели и приоритеты модернизации и инновационного развития, в основу которых положены структурные, социальные и институциональные реформы, открывающие путь к инновационной модели роста и формированию принципов экономики, основанной на знаниях. Этот этап преобразований, по нашему мнению, в силу его фундаментальных, принципиальных черт можно назвать “реформами третьего поколения”, продолжающими “длинную волну” (свыше 20 лет) российских экономических реформ.

1. Необходимо внести серьезные коррективы в реформы образования и здравоохранения с тем, чтобы создать нормальные условия для воспроизводства рабочей силы. Без физически здорового работника, имеющего нормальные возможности отдыхать, поддерживать свое здоровье, лечиться, не травиться лекарственными фальсификатами и суррогатами, невозможно рассчитывать на стабильный рост выработки, качественную и добросовестную работу. Необходимо восстановить систему профессиональной подготовки кадров рабочего класса — от начального и среднего специального образования и до различных форм повышения квалификации, переподготовки, возможностей стажировок как в стране, так и за рубежом. Аналогично, нужно пресечь поток “штампования” юристов и экономистов низкой квалификации, без учета потребностей рынка и вернуть высокий социальный статус и престиж естественнонаучному знанию, техническим и инженерным специальностям. Следует восстановить высокий статус и престиж Российской академии наук в свете ее образовательных и инновационных функций. Данные задачи не могут быть решены в рамках отдельных мероприятий, они требуют пересмотра духа и буквы реформационного наследия как 1990-х, так и 2000-х годов и внесения соответствующих изменений в законодательство.

2. Для создания макроэкономических условий роста производительности труда требуется широкий комплекс мер инвестиционного и финансового характера. Начать необходимо с принятия четкой и целенаправленной инвестиционной политики. Сегодня, когда на повестке дня стоят “реформы третьего поколения”, следует выйти за рамки привычной текущей макроэкономической политики и задействовать все необходимые инструменты макроэкономической стратегии: повысить норму сбережений и в ее составе доли накоплений и прямых инвестиций в производство, материальные и нематериальные активы. Это не под силу сделать лишь с помощью механизмов рыночного саморегулирования. Такой макроэкономический стратегический маневр должно предпринять государство, опираясь на общественный консенсус и энтузиазм (патриотизм) граждан, деловую активность и заинтересованность бизнеса, его стратегическое партнерство с властью. Частью этой программы должна стать сильная антимонопольная политика, контрольно-надзорная и правоохранительная деятельность, способные пресечь повсеместную порочную практику решать экономические вопросы за счет ценового фактора, процветание посредничества по всей цепочке от производителя до потребителя, “откатов и распилов” при расходовании бюджетных средств.

3. Требуется известный пересмотр комплекса идей и мер в области политики национальной и экономической безопасности, уголовной и уголовно-процессуальной политики, всей идеологии реформ правоохранительных органов. Свертывание системы обеспечения экономической безопасности, либерализация уголовного права в части экономической преступности (во-первых, при возрастании внешних угроз экономической безопасности и превращении экономических войн, давления и шантажа в главный рычаг геополитики и геоэкономики, в стандартное средство глобальной конкуренции и, во-вторых, при не снижающихся уровне и количестве (составе) внутренних угроз со стороны коррумпированных элементов, теневой экономики и экономической преступности) существенно сужают возможности развития страны, отвлекают и ограничивают ресурсы роста производительности, губительно сказываются на всей системе мотиваций и интересов. Следовательно, для снижения коррупционно-криминальной нагрузки на экономику необходимо не разрушать, а возрождать и совершенствовать институты обеспечения эконо-

мической безопасности, включая целенаправленную и специализированную систему профессиональной подготовки кадров.

4. В системе институтов государственной статистики необходимо возобновить практику комплексного статистического анализа производительности труда, ввести этот показатель в отчетность на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, рекомендовать бизнесу учитывать его в системе корпоративного управления.

По нашему мнению, целесообразно цели и задачи, систему мер по повышению производительности труда включить в Стратегию-2020 в качестве одного из ключевых приоритетов и параллельно сформировать систему индикативных планов развития производительности труда в основополагающих секторах и видах экономической деятельности.

Список использованной литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : утверж. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
2. Современная теория длинных волн в развитии экономики : науч. доклад академика РАН С.Ю. Глазьева на VIII межд. Кондратьевской конференции и XX Кондратьевских чтениях, посвященных 120-летию Н.Д. Кондратьева, 20-летию Международного фонда Н.Д. Кондратьева. — М. — 1-2 нояб. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.glazev.ru/>.
3. Банк России. Статистика внешнего сектора [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710 (**Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2012 году (по данным платежного баланса Российской Федерации, по методологии РПБ6)**); http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/Gross_Basis.htm&pid=svs&sid=itm_33462 (**Ввоз и вывоз капитала в 2010-2011 гг. (по месяцам) — графики**); http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital.htm&pid=svs&sid=cvvk (**Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 1994-2011 годах (по данным платежного баланса Российской Федерации) (млрд. долларов США)**).
4. Отток капитала — это вывоз взяток // Финмаркет. — 11 дек. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3162548>.
5. *Kar D., Freitas S.* Russia: Illicit Financial Flows and the Role of the Underground Economy [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://russia.gfintegrity.org/Russia_Illicit_Financial_Flows_and_the_Role_of_the_Underground_Economy-HighRes.pdf.
6. Поглощение “Роснефтью” ТНК-ВР стало крупнейшей сделкой в мире в 2012 году // Газета. Ru. — 11 янв. — 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gazeta.ru/business/news/2013/01/11/n_2701965.shtml.
7. Стратегические ориентиры экономического развития России ; [координатор проекта член-кор. РАН Р.С. Гринберг]. — СПб. : Алетейя, 2010. — 663 с.
8. *Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е., Воейков М.И., Никифоров Л.В.* Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота : моногр. — М. : ИЭ РАН, 2010. — 338 с.
9. Приоритеты и модернизация экономики России : моногр. ; [под ред. д.э.н. И.Р. Курнышевой и С.Н. Сильвестрова]. — СПб. : Алетейя, 2011. — 207 с.
10. *Погосов И.А.* Тенденции воспроизводства в России и проблемы модернизации экономики. — М. : ИЭ РАН ; Нестор-История, 2012. — 307 с.
11. *Сухарев О.С.* Эволюционная экономика : моногр. — М. : Финансы и статистика, 2012. — 800 с.
12. Великобритания: правительственная промышленная стратегия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://library.vscs.ac.ru/Files/Inform/1-2004-50.doc/>.
13. Российский статистический ежегодник, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.

14. Россия и страны мира, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139821848594.

15. Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 2005 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1136985873391.

References

1. *Kontsepsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda : utverzhd. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. No. 1662-p* [“Conception of the long-term socio-economic development of the Russian Federation till 2020,” approved by the Decree of the Government of the Russian Federation on November 17, 2008, No. 1662-r] [in Russian].

2. Glaz'ev S.Yu. *Sovremennaya teoriya dlinnykh voln v razvitiie ekonomiki* [The Contemporary Theory of Long Waves in the Development of an Economy], available at: <http://www.glazev.ru/> [in Russian].

3. *Bank Rossii. Statistika vneshnego sektora* [Bank of the Russian Federation. Statistics of the External Sector], available at: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710 (*Chistyi vvoz/vyvoz kapitala chastnym sektorom v 2012 godu (po dannym platezhnogo balansa Rossiiskoi Federatsii, po metodologii RPB6')*) [Pure capital entry/export by the private sector in 2012 (by data of the balance of payments of the Russian Federation, by methodology RPB6')] [in Russian]; http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/Gross_Basis.htm&pid=svs&sid=itm_33462 (*Vvoz i vyvoz kapitala v 2010-2011 gg. (po mesyatsam) – grafiki*) [Capital entry/export in 2010-2011 (by months) – plots] [in Russian]; http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital.htm&pid=svs&sid=cvvk (*Chistyi vvoz/vyvoz kapitala chastnym sektorom v 1994-2011 godakh (po dannym platezhnogo balansa Rossiiskoi Federatsii) (mlrd. dollarov SSH4)*) [Pure capital entry/export by the private sector in 1994-2011 (by data of the balance of payments of the Russian Federation) (bln USD)] [in Russian].

4. *Ottok kapitala – eto vyvoz vzyatok* [Outflow of capitals – it is the exit of bribes]. *Finmarket – Finmarket*, Dec. 11, 2012, available at: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3162548> [in Russian].

5. Kar D., Freitas S. Russia: Illicit Financial Flows and the Role of the Underground Economy, available at: http://russia.gfintegrity.org/Russia_Illicit_Financial_Flows_and_the_Role_of_the_Underground_Economy-HighRes.pdf.

6. *Pogloshchenie “Rosneft'yu” TNK-VR stalo krupneishei sdelkoi v mire v 2012 godu* [The absorption of TNK-VR by “Rosneft” in the greatest transaction in the world in 2012]. *Gazeta. Ru. – Newspaper. Ru*, Jan. 11, 2013, available at: http://www.gazeta.ru/business/news/2013/01/11/n_2701965.shtml [in Russian].

7. *Strategicheskie Orientiry Ekonomicheskogo Razvitiya Rossii, koordinator proekta chlen-kor. RAN R.S. Grinberg* [Strategical Reference Points of the Economic Development of Russia, the coordinator of the project is Corresponding Member of the RAS R.S. Grinberg]. St.-Petersburg, Aleteiya, 2010. 663 p. [in Russian].

8. Grinberg R.S., Sorokin D.E., Voeikov M.I., Nikiforov L.V. *Vosproizvodstvennyi Vektor Rossii. K Teorii Strukturnogo Povorota* [The Reproduction Vector of Russia. To the Theory of Structural Turn]. Moscow, Inst. of Economics of the RAS, 2010. 338 p. [in Russian].

9. *Prioritety i Modernizatsiya Ekonomiki Rossii, pod red. d.e.n. I.R. Kurnyshevoi i S.N. Sil'vestrova* [Priorities and Modernization of the Economy of Russia, edited by Doctor of Econ. Sci. I.R. Kurnysheva and S.N. Sil'vestrov]. St.-Petersburg, Aleteiya, 2011. 207 p. [in Russian].

10. Pogosov I.A. *Tendentsii Vosproizvodstva v Rossii i Problemy Modernizatsii Ekonomiki* [Tendencies of the Reproduction in Russia and Problems of a Modernization of the Economy]. Moscow, Inst. of Economics of the RAS; Nestor-Istoriya, 2012. 307 p. [in Russian].

11. Sukharev O.S. *Evolutsionnaya Ekonomika* [Evolutionary Economy]. Moscow, Financy i Statistika, 2012. 800 p. [in Russian].

12. *Velikobritaniya: Pravitel'stvennaya Promyshlennaya Strategiya* [Great Britain: Governmental Industrial Strategy], available at: <http://library.vscs.ac.ru/Files/Inform/1-2004-50.doc/> [in Russian].

13. *Rossiiskii Statisticheskii Ezhegodnik, 2012* [Russian Year-Book, 2012], available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 [in Russian].

14. *Rossiya i Strany Mira, 2012* [Russia and Countries of the World, 2012], available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139821848594 [in Russian].

15. *Mezhdunarodnye Sopostavleniya Valovogo Vnutrennego Produkta za 2005 God* [International Comparisons of GDPs for 2005], available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1136985873391 [in Russian].

*Окончание – в следующем номере журнала.
Статья поступила в редакцию 21 января 2013 г.*
